

УДК 323.101 (47)

ГРУППИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Винчковский Е. В.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: vinchkovskiy@gmail.com

В работе описано отражение теоретических основ группизма в терминологическом аппарате и моделях национальной политики. Критически отмечается склонность ряда исследователей к закреплению недифференцированного списка коллективных образований в качестве объекта политических практик. Приведена аргументация о возможности использования гражданина в качестве единственного формализованного субъекта национальной политики.

Ключевые слова: национальная политика, модель, этническая группа, гражданин, мультикультурализм, группизм.

Актуальность выбранной темы обусловлена наличием в научном сообществе амбивалентной позиции, с одной стороны, выражающейся в критике представления групп как фиксированных единиц социальной деятельности, и в то же время, с другой стороны, при переходе исследования на конкретный эмпирический материал – в утверждении наличия коллективных образований и презентации последних в качестве объекта политических и юридических практик. Натуралистическая трактовка этнических общностей в политическом пространстве в последнее время имеет тенденцию к росту, когда политики и лидеры индигенистских организаций и движений с помощью нанимаемых ими адвокатов, и юристов все активнее используют националистические, этницистские и откровенно расистские подходы, возрождая концепцию народа как единства крови и почвы [1, С. 21]. В свою очередь, научное сообщество дает многочисленные поводы к подобного рода спекуляциям, фиксируя в предмете и целях национальной политики набор коллективных субъектов, зачастую с неопределенными статусами и границами. В настоящей статье представлен выборочный критический обзор дефиниций и моделей национальной политики с авторской аргументацией необходимости изменения подхода к субъекту и целям подобного рода политической деятельности.

В начале данной работы обозначим некоторые терминологические контуры исследования. Во-первых, под группизмом понимается тенденция овеществления

групп, приписывания им собственных интересов и деятельности, а также переноса такого понимания в юридическое и политическое поле, зачастую подменяя данным термином институт гражданства [2, С. 23; 3, С. 25]. Во-вторых, в настоящей статье не ставится цель демаркации национальной политики от смежной терминологической базы, уточним лишь тот момент, что в современной философской, этнографической и политологической литературе используется разнообразное содержание данного понятия [1; 4; 5; 6]. В этой статье понятие «национальная политика» используется в формальном контексте как наиболее часто встречающийся термин, иные термины употребляются в качестве синонимов.

Прежде чем перейти к классификациям национальной политики необходимо рассмотреть ряд типичных (с точки зрения отражения теоретических основ группизма) определений национальной политики. Так, например, Зорин В. Ю. закрепляет следующее содержание данного феномена: «Суть этих понятий составляют вопросы состояния и развития этнического разнообразия населения страны (многонационального народа), системы государственной организации и управления в условиях многонациональности, учета и реализации прав, запросов и интересов граждан и этнических общностей, связанных с сохранением их культуры, традиций, языка в условиях единой страны и разного типа расселения. Наконец, сюда же входят проблемы межэтнических отношений, включая возможные конфликты, а также методы их предотвращения и разрешения. К этой же сфере в последние 15 лет, начиная с этнополитического конфликта в Чечне, добавились вопросы вооруженного этнического сепаратизма, религиозного радикализма, международного терроризма...» [7, С. 6]. Во-первых, по нашему мнению, подобное определение слишком широко трактует термин национальная политика. Цитируемая система государственной организации и управления, по сути, включает в себя любые вопросы государственной политики. Образование, миграция, федеративное устройство, система правосудия и многое другое может осуществляться и напрямую сталкиваться с условиями (или в условиях) многонациональности. Во-вторых, как мы видим, автор фиксирует в своем определении различные коллективы – население, многонациональный народ, этнические общности, в определенной мере, даже Чечня предстает в виде отдельной социальной сущности. Данный пример наглядно демонстрирует представление о группах как реальных и устойчивых социальных единицах, чьи запросы, права и интересы призвана разрешать и защищать национальная политика государства.

Зорин В. Ю., впрочем, сужает содержание национальной политики и исключает этнические общности из субъектного состава, когда говорит об ее цели – «удовлетворение конституционных прав наших граждан, этнических и конфессиональных, а также обеспечение общественно-политической стабильности» [7, С. 23]. Но такое понимание цели вызывает ряд вопросов. Разве государство не должно заботиться об удовлетворении прав не «наших граждан»? Как нам кажется, разрешение множества этнокультурных противоречий требует универсальных решений как для сограждан, так и для иностранцев, которые не в меньшей мере влияют на состояние и развитие этнического разнообразия и конфессиональной гармонии. Кроме того, мы возражаем против определения цели этнической

политики как «обеспечения общественно-политической стабильности». Целями различных ультраправых и фундаменталистских движений и идеологий также может являться обеспечение общественно-политической стабильности, но это не делает их чем-то схожим с национальной политикой.

«Привязка» национальной политики к субъектному составу встречается и в работах Сергеева С. А., который закрепляет следующее содержание данного понятия: «Национальная политика» это и государственная политика (например, национальная промышленная политика, национальная аграрная политика и пр.) и в то же время государственная политика в отношении этносов, этнических групп и регулирования межэтнических отношений» [8, С. 39]. Как видно, автор исключил предметный критерий в определении политики, а лишь указал на субъекты и процессы такой деятельности. Хотя подобное определение привлекает своей лаконичностью, все же перед читателем встают те же самые вопросы. В каких целях автор одновременно использует понятия «этнос» и «этническая группа»? Являются ли они самостоятельными субъектами этнической политики или употребляются в качестве синонимов? Как государственная политика, явно принимающая юридические формы, реализуется в отношении юридически не оформленных субъектов?

Последний вопрос приводит нас еще к одной проблеме отечественного дискурса об этничности и мультикультурализме – это отказ от индивида как субъекта национальной политики. Отсутствие граждан (используется как равнозначное понятие) в исследованиях по данной проблематике выглядит зачастую странным в том смысле, что если автор действительно желает сформулировать свое определение какого-либо рода политики через субъект, но при этом он придерживается конструктивистских взглядов, то индивид — это прекрасное решение для подобного рода определений. По нашему мнению, противоречие между автономией индивида и традиционными практиками (мультикультурная уязвимость) является основной задачей, которую призвана решать национальная политика. Кроме того, граждане – это единственный юридически формализованный субъект, способный определять состав, волю и интересы тех самых этнических групп. Но как мы видим в определении Сергеева С. А. и увидим далее в классификациях национальной политики, гражданин довольно «редкий гость» в подобного рода исследованиях.

С точки зрения проявлений группизма, в терминологическом аппарате следует также обозначить и государственное определение национальной политики, раскрываемое в п. 5 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: «Основными вопросами государственной национальной политики Российской Федерации, требующими особого внимания государственных и муниципальных органов, по-прежнему являются: а) сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности; б) обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств; в) создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;

г) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией». Исходя из данного определения вопросов политики видно, что государство также по большей мере избирает субъектный критерий при формулировании содержания национальной политики. Определение включает множество коллективных субъектов: народ, национальные меньшинства, коренные малочисленные народы, соотечественники, проживающие за рубежом. Только два последних термина имеют собственное законодательное определение и юридический статус², но с определенной долей условности, так как конкретные права и обязанности, границы правомочий и ответственности имеют не сами группы, а отдельные представители в индивидуальном порядке. Эти обстоятельства опять же приводят к выводам об отсутствии в определении какого-либо понимания того, что национальная политика заключается прежде всего в обеспечении прав граждан, баланса их гражданских прав и этнокультурных практик, оказания поддержки социальным связям между ними в случае сотрудничества или разрешения в случае конфликта.

Промежуточным итогом по рассмотренным вариантам определений национальной политики является то, что, как правило, они строятся исходя из презумпции понимания этнических групп, наций и рас как субстанциальных сущностей, к которым могут быть приписаны интересы и деятельность [2, С. 23]. При этом, хотя такая группа закрепляется в дефиниции политики, сама группа не является для автора того или иного определения формализованной, мы не обладаем должным пониманием того, где проходят границы группы, и должны ли они в принципе проходить. Подобные выводы о тенденциях группизма в научной и политической среде отражены в различных зарубежных и отечественных исследованиях, например, В. Тишков указывает: «Академический анализ и политика строятся на том, что существуют изначально некие социальные группировки людей, по которым люди расписаны чуть ли не с рождения. В силу этой групповой принадлежности у гражданина и у группы в целом есть потребности, интересы и права и даже отдельная “этническая правосубъектность” ... Вне групп или за пределами группы как бы нет этнокультурной реальности, а значит, и нет субъекта и объекта политики» [6, С. 250]. В ряде зарубежных работ по проблемам мультикультурализма также высказывались мнения о невозможности закрепления культурных и, тем более, юридических границ группы, в частности, в тезисах Р. Брубейкера, который одним из первых полно описал эти тенденции к представлению социального и культурного мира как многоцветной мозаики, составленной из одноцветных этнических, расовых или культурных блоков [2, С. 24], или сходные с ним размышления С. Бенхабиб об «упрощенческой социологии культуры», которая строится на ложных представлениях: «1) будто культуры представляют собой четко очерченные

² См.: Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»; Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Схожие группистские настроения сохраняются и на региональном уровне, что наглядным образом демонстрируется содержанием конституций и основных законов субъектов Российской Федерации.

целостности; 2) будто культуры соответствуют группам населения и возможно непротиворечивое описание культуры определенной группы людей; 3) будто даже, если культуры и группы не полностью соответствуют друг другу, если в рамках одной группы заключено более одной культуры и более одной группы, могут иметь одни и те же культурные черты, это не составляет серьезной проблемы для политического процесса и государственной политики» [9, С. 29].

В этом отношении более новаторскими, с точки зрения отечественной политической философии и политической теории, являются определения национальной политики, в которых прослеживается отказ от принципов группизма, а внимание акцентируется на процессах и взаимоотношениях, в частности, определение Дробижевой Л. М.: «Этнополитика в таком случае имеет дело не с объектом в лице этнической группы, а с определенной ситуацией ... есть основания определять этнополитику как ответы на практику схожих ситуаций этнонациональных взаимодействий» [5, С. 25–26]. Или определение национальной политики Морозовой Н. М.: «Сущность национальной политики сводится к гармонизации и оптимизации межэтнических отношений, управлению конфликтами» [10, С. 91]. Безусловно, данные определения тоже не могут стать эталонными, например, по нашему мнению, отсутствие упоминания в целях или задачах национальной политики разрешения мультикультурной уязвимости является слабой стороной данной терминологии, но все же эти дефиниции отказываются от таких ограниченных и одновременно неопределенных объектов государственной политики как этнические группы.

Рассмотрев академические и государственные подходы в определении национальной политики, следует обратиться к вопросу, как же проявляется группизм в различных классификационных моделях национальной политики, имеются ли все те же попытки формализации этнических групп и приписывания им собственной воли, интересов и деятельности. При анализе мы будем рассматривать условно «позитивные» модели национальной политики, признающие ценности терпимости, равенства, отсутствия дискриминационных условий, исключив, таким образом, модели этнокультурной политики по типу апартеида, сегрегации и т.п.

Паин Э. А. маркирует виды национальной политики следующим образом: «1) Политика отчужденности; 2) Политика балансирования между общественным мнением, настроенным против национальных меньшинств, и необходимостью политической стабильности; 3) Политика противодействия экстремизму и конструктивного сотрудничества с национальными меньшинствами» [11, С. 32–34]. Прежде чем говорить о субъектно-объектных особенностях данных моделей, отметим общий недостаток цитируемого отрывка – это отсутствие единого классификационного основания. Автору настоящей статьи остается неясным, по каким критериям Паин Э. А. фиксирует данные модели, и как настолько разные феномены, заключенные в классификации, стали представлять модели национальной политики. При переходе к вопросам субъектно-объектных отношений национальной политики, мы встречаем широко представленные в критике группизма национальные меньшинства, при этом, особенно конструктивистски ненадежно выглядит авторское «конструктивное

сотрудничество» с ними. Если авторская классификация требует включения субъекта, то для подобного построения модели как раз не следовало исключать большинство, заменяя его неопределенным кругом меньшинств (под большинством мы подразумеваем всю совокупность граждан государства со своими этнокультурными потребностями и проблемами).

Ранее цитируемый Сергеев С. А. также представляет собственную типологию моделей национальной политики. В качестве основания классификации автор указывает цели проводимой политики: «они сводятся либо к созданию (сохранению) этнически разнородного, мультикультурного общества, либо к созданию (сохранению) этнически гомогенного, однородного общества» [8, С. 39]. Автором выделены следующие модели национальной политики – ассимиляция; жесткий мультикультурализм («для индивида считается желательным сохранять свою этническую идентичность»); мягкий мультикультурализм («сохранение этнической идентичности, так и ее (ассимиляция) целиком и полностью являются личным делом индивида»); геттоизация («связана с обособлением мест проживания лиц определенной этнической или расовой принадлежности, но отличается от апартеида тем, что данное обособление может носить добровольный характер и не сопровождаться дискриминацией») [8, С. 42].

Несмотря на то, что цитируемый автор, в отличие от многих его коллег, обратил внимание на индивида-гражданина как объекта национальной политики и напрямую указал на основание классификации, многие формулировки указанных моделей нуждаются в доработке. Во-первых, обращаем внимание на определение автором жесткого мультикультурализма («для индивида считается желательным сохранять свою этническую идентичность»). Слово «желательно» предполагает желание гражданина сохранять или не сохранять этническую идентичность, при таком толковании становится неясным разграничение мультикультурализма на два отдельных типа, так как оба из них сопровождаются добровольностью выбора своей идентичности. В зарубежных исследованиях совершенно иначе подходят к разграничению мультикультурализма на жесткий и мягкий типы. Так Шахар А. говорит о том, что жесткий мультикультурализм, по большей мере, связан с вопросами равенства групп, обеспечения участия групп в политическом процессе, легальном самоуправлении общин, в свою очередь, мягкий мультикультурализм направлен на решение проблем сочетания норм и практик группы с общечеловеческими гражданскими правами [12] (здесь заметим Шахар А. как раз использует принципы группизма). Во-вторых, неясным остается выделение «геттоизации» как отдельной модели этнической политики по той причине, что, либо автором изменено основание классификации (на некий тип расселения), либо предмет данного типа совпадает с предметом жесткого мультикультурализма, так как государство способствует сохранению гражданами этнической принадлежности. С точки зрения рассмотрения данной классификации с позиций группизма, мы видим отказ от этнических групп в качестве объектов национальной политики, несмотря на собственное определение Сергеева С. А. Определенные отголоски группизма могут быть усмотрены только в приписывании гражданам некой

устойчивой и прозрачно определяемой границы своей этнической принадлежности или идентичности.

Среди зарубежных типологий моделей национальной политики, кроме разграничения мультикультурализма А. Шахар, выделим классификацию Ч. Кукатаса – изоляционизм, ассимиляторство, «мягкий» мультикультурализм, «жесткий» мультикультурализм [13]. Сам упомянутый автор называет данные типы реакциями или вариантами на проблемы культурного разнообразия, но в связи с тем, что контекст его дальнейших рассуждений содержит конкретные государственные меры Австралии, Великобритании, Японии, ЮАР и т.д., мы делаем вывод, что указанные реакции являются именно моделями государственной политики. Разбор каждой из моделей находит в себе ряд недостатков, в том числе склонности к натурализации групп. Изоляционизм, в контексте рассуждений исследователя, – это препятствование въезда на территорию страны для мигрантов. Ассимиляторство определяется как «культурное воздействие» на мигрантов и коренные народы. Мягкий мультикультурализм Ч. Кукатаса включает в себе политику невмешательства, нейтральности в отношении этнических групп и их представителей, в свою очередь, жесткий мультикультурализм определяется автором как обеспечение для культурных меньшинств полноценного участия в жизни общества и государства, так и максимальных возможностей для сохранения особой идентичности, и традиций. Данные модели отчетливо содержат представления об этнической группе как о действующем лице, с которым нужно сотрудничать или дистанцироваться, или оказать на него целенаправленное воздействие. Эта практика овеществления, возможно, и приемлема для государства и политических элит, но вряд ли корректна для исследователя.

Подводя итоги после рассмотрения терминологической базы и ряда моделей национальной политики, мы должны отметить, что, несмотря на общепризнанную в социальных науках парадигму конструктивизма, принципы группизма по-прежнему занимают значительное место в философском и политологическом дискурсе. При определении объекта национальной политики авторы зачастую приводят недифференцированный список коллективов (народы, национальные и культурные меньшинства, соотечественники), при этом забывая указать, что подобные группы не формализованы, а также, что главный субъект межнациональных отношений – индивид. Именно баланс между автономией индивида, защитой его гражданских прав и терпимостью к этнокультурным нормам и практикам является основной проблемой при определении любой модели национальной политики. Несомненно, групповое строительство никогда не покинет политическую и идеологическую сферы, но в философском и социальном анализе отказ от группизма явно необходим не только с точки зрения корректности формулировок, но и возможного импульса для политических элит в части, касающейся их риторики и государственной деятельности.

Список литературы

1. Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции (под ред. Степанова В. В., Тишкова В. А.) – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. – 432 с.

2. Брубейкер Р. Этничность без групп. Пер. с англ. И. Борисовой; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
3. Beiner Ronald. Liberalism, nationalism, citizenship: essays on the problem of political community. UBC Press. The University of British Columbia, Vancouver. P. 25. URL: <https://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/detail.action?docID=3411973&query=Beiner> (Дата обращения: 27.08.2019 г.).
4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.
5. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.
6. Тишков В. А. Реквием по этносу: исслед. по соц.-культур. антропологии. – Москва: Наука, 2003. – 543 с.
7. Зорин В. Ю. Этнополитика в современной России: статьи, выступления, интервью. – Саратов: Поволжский институт им. П. А. Столыпина, 2012. – 132 с.
8. Сергеев С. А. Этноконфликтология: учебное пособие / С. А. Сергеев, Л. В. Лучшева, З. Х. Сергеева; М-во образования и науки России, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. образования «Казанский нац. исследовательский технологический ун-т». – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. – 204 с.
9. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003. – 289 с.
10. Морозова Н. М. Реализация национальной политики в Приволжском федеральном округе: проблемы и эффективность: Монография. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ»: ФГБУН «ПриФ ИС РАН», 2013. – 122 с.
11. Паин Э. А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М., 2003. – 247 с.
12. Shachar Ayelet. Multicultural jurisdictions: cultural differences and women's rights. First published 2001. Printed in the United Kingdom at the University Press, Cambridge. P. 28–29. URL: <https://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/reader.action?docID=201425&query=shachar#> (Дата обращения: 24.09.2018 г.).
13. Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. URL: <http://www.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylizma> (Дата обращения: 24.09.2018 г.).

Vinchkovskiy E. V. Groupism in Modern Models of National Politics // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 42–50.

This paper describes the projection of the theoretical basis of groupism in the context of research vocabulary and models of national politics. The tendency of some researchers towards identifying the undifferentiated list of collective entities as an object of political practice is critically noted. The argument about the possibility of using a citizen as the only formalized subject of national policy is given.

Keywords: national politics, model, ethnic groups, citizen, multiculturalism, groupism

References

1. Novye etnicheskie gruppy v Rossii. Puti grazhdanskoj integratsii (pod red. Stepanova V. V., Tishkova V. A.) [New Ethnic Groups in Russia. Ways of Civic Integration]. Moscow, FGNU «Rosinformagrotekh», 2009, 432 p.
2. Brubeiker R. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without Groups]. Moscow, Higher School of Economics' Publishing house, 2012, 408 p.
3. Beiner Ronald. Liberalism, nationalism, citizenship: essays on the problem of political community. UBC Press. The University of British Columbia, Vancouver. P. 25. URL:

- <https://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/detail.action?docID=3411973&query=Beiner> (Accessed: 27.08.2019)
4. Grazhdanskaya, etnicheskaya i regionalnaya identichnost': vchera, segodnya, zavtra [Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Russian Political Encyclopedia, 2013, 485 p.
 5. Drobizheva L. M. Sotsialnye problemy mezhnatsional'nykh otnoshenii v postsovetsoi Rossii [Social Problems of Inter-ethnic Relations in Post-Soviet Russia]. Moscow, center of universal values, 2003, 376 p.
 6. Tishkov V. A. Rekviev po etnosu: issled. po sots.-kultur. antropologii [Requiem on Ethnicity: a Study on Socio-cultural Anthropology]. Moscow, Nauka, 2003, 543 p.
 7. Zorin V. Yu. Etnopolitika v sovremennoi Rossii: stat'i, vystupleniya, interv'yu [Ethnopolitics in Modern Russia: Articles, Speeches, Interviews]. Saratov, Povolzhskii P. A. Stolypina Institute, 2012, 132 p.
 8. Sergeev S. A. Etnokonfliktologiya: uchebnoe posobie [Ethnoconflictology: manual] / S. A. Sergeev, L. V. Luchsheva, Z. Kh. Sergeeva. Kazan', Izd-vo KNITU, 2016, 204 p.
 9. Benkhabib S. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru [Claims of Culture. Equality and Diversity in the Global Era]. Moscow, Logos, 2003, 289 p.
 10. Morozova N. M. Realizatsiya natsional'noi politiki v Privolzhskom federal'nom okruge: problem i effektivnost' [Implementation of the National Policy in the Volga Federal District: Challenges and Effectiveness]: Monografiya. Nizhnii Novgorod, 2013, 122 p.
 11. Pain E. A. Mezhdou imperiei i natsiei: Modernistskii proekt i ego traditsionalistskaya al'ternativa v natsional'noi politike Rossii [Between Empire and Nation: Modernist Project and its Traditionalist Alternative in Russia's National Politics]. Moscow, 2003, 247 p.
 12. Shachar Ayelet. Multicultural jurisdictions: cultural differences and women's rights. First published 2001. Printed in the United Kingdom at the University Press, Cambridge. P. 28–29. URL: <https://ebookcentral.proquest.com/lib/rsl-ebooks/reader.action?docID=201425&query=shachar#> (Accessed: 24.09.2018)
 13. Kukatas Ch. Teoreticheskie osnovy mul'tikul'turalizma [Theoretical Bases of Multiculturalism]. URL: <http://www.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylizma> (Accessed: 24.09.2018)